

Всемирная история. Викинги. История Завоеваний

Жестокие и неумолимые воины северных морей распространили свою экспансию от Прибалтики и Средиземного моря до Франции, Британии, Исландии и Северной Америки. На Руси их называли варягами, в Византии - варангами, в Западной Европе — норманнами. Бесстрашные берсерки и сыновья Одина — великие скандинавские воины-викинги. Лучшие корабли той эпохи — дракары — доставляли свои команды в самые отдаленные уголки планеты. Как скандинавские конунги покоряли моря и земли, какие державы и империи они создали, какие открытия совершили — все это вы узнаете из книги про мир подвигов и жестокостей, саг и героических сказаний.

Истоки экспансии: Скандинавия в середине первого тысячелетия
Рывок через Северное море: Шотландия и остров Мэн
Конунги и кланы: Ирландия и Острова
Попытка датской империи: Британия и Кнуд Великий
Покорение Северной Атлантики: Исландия, Гренландия и Америка
Путь на восток: Русь, Византия и Халифат
От норманнов к нормандцам и от варягов к русинам. Финал эпохи викингов

Кирилл Галушко



ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ВИКИНГИ
ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЙ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ВИКИНГИ
ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЙ



**КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-7531-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:



УДК 93/94
Г16

В оформлении обложки использована иллюстрация Фердинанда Лике «Набег викингов»
(1906)

ЛІКБЕЗ
історичний фронт

В авторской редакции

Карты: Андрей Билей

Дизайнер обложки Анастасия Попова

ISBN 978-617-12-7125-8

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

От автора

Эпоха викингов, или норманнов, — один из наиболее ярких, драматичных и любимых публикой периодов истории. Кого-то вдохновляет голливудский фильм «Викинги» 1958 года с Тони Кертисом и Кирком Дугласом, кого-то — канадско-ирландский сериал «Викинги» 2013-го с актрисой украинского происхождения Кэтрин Винник в главной роли, а кого-то исторические романы и множество киношных проектов разной меры фэнтезийности и фантастичности («Эрик викинг», «Следопыт», «Викинги против пришельцев»). Но у кино — своя реальность, а у истории — своя.

Для украинцев эпоха норманнов — это поиск ответов на вопросы о ранней истории Руси и Киева. Во многих странах (я уж не говорю о Скандинавии) есть свой вектор оценки и интерпретации этого явления. Англия, Шотландия, Ирландия, Исландия, Франция, страны Балтии, Украина, Беларусь и Россия имеют свои взгляды на то, что тогда происходило. Какие-то оценки устоялись, где-то в них вмешивалась идеология — прежде всего в СССР, где влияние скандинавов отрицалось, что для многих на десятилетия запутывало видение прошлого. К тому же тут сходятся разные национальные и политические мифологии и псевдоисторические представления.

Самим норманнам на все эти проблемы, думаю, не стоит обращать внимания. В эпоху своего величия викинги покорили множество стран, создавали и разрушали державы, жили своей обычной жизнью: путешествовали, торговали и воевали. И кто того хотел, пал с мечом в руках и пребывает доньше в Вальхалле, где тешится битвами, насыщается мясом, медом и любовью дев.

Те, кто в последние годы знаком с творчеством автора на историческую тематику, могут удивиться: откуда норманны? Была историческая публицистика, история картографии, общая полемика по истории Украины, социология...¹

Но у каждого автора есть своя интеллектуальная, как сказали бы археологи, «стратиграфия» — или хронологически разные «культурные слои» творчества. В 1998—2004 годах я работал в Киевском национальном лингвистическом университете на кафедре

истории. Тогда мне выпал курс «История, география и культура Великобритании» для английских филологов. Курс был новый, литературы на русском, а тем более на украинском языке практически не было, за исключением истории рабочего движения и классовой борьбы. Пришлось большинство материалов брать из англоязычных источников, что позволило мне узнать об истории не только Англии, но и Уэльса, Шотландии, Ирландии. Более всего увлекло Средневековье. А у этих стран, равно как и у Украины, была та же эпоха викингов, только немного с другим контекстом восприятия. Это был очень интересный незнакомый мир. Например, войны пиктов и гэлов с викингами, или история «островных королевств» запада Британии, которые представляли собой кельтско-скандинавский культурный и этнический симбиоз.

Поэтому с эпохой викингов я столкнулся через призму истории Британии. Эти сюжеты попали в публикации учебных пособий, рекомендованных Министерством образования Украины². Позже, ввиду знакомства с этим миром Северного моря и Атлантики, мне довелось оппонировать на защите диссертации по средневековой Исландии, что заставило внимательно ознакомиться с миром саг и скальдов.

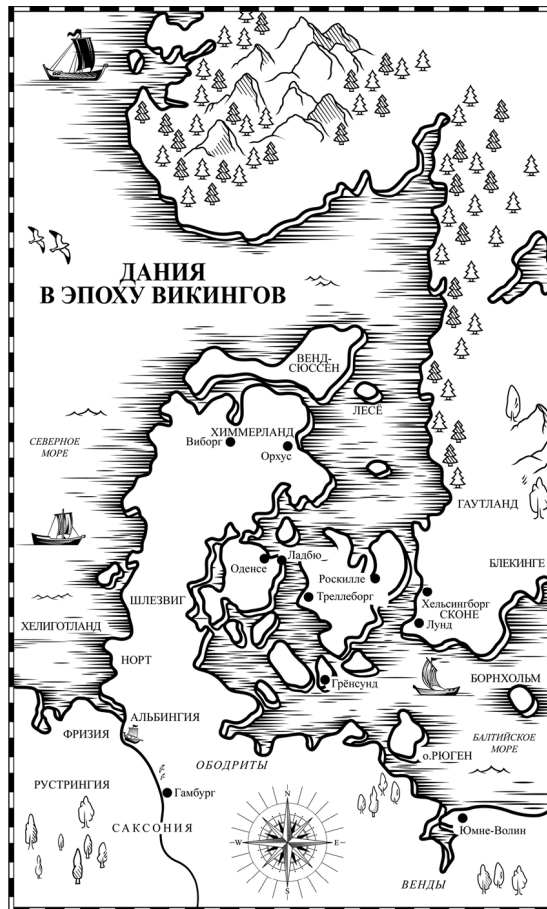
Впоследствии, когда я увлекся украинско-российской исторической полемикой, вопрос «что такое Русь?» стал одним из ключевых в информационных войнах. Чья она? И тут пересекаются и академические оценки, и ура-патриотические лозунги. А в вопросе «Руси» норманны играют изначальную роль. Свои общие оценки спекуляций на эту тему я уже изложил в другой публикации в той же серии издательства КСД, что и эта книга («Всемирная история»)³.

Поскольку я не скандинавист, то некоторые узкие темы показаны на основе компилятивной обработки и пересказа других текстов (указанных в списке источников). Если я хорошо ориентируюсь в трактовках англосаксонского эпоса о Беовульфе, то это не значит, что я могу свободно ориентироваться во всем богатейшем скандинавском фольклоре. Тут уместно обращаться к узким специалистам. Но популярный жанр изложения и отсутствие академического аппарата позволяют мне сделать просто широкий обзор проблематики и сюжетов, связанных с норманнами и эпохой викингов.

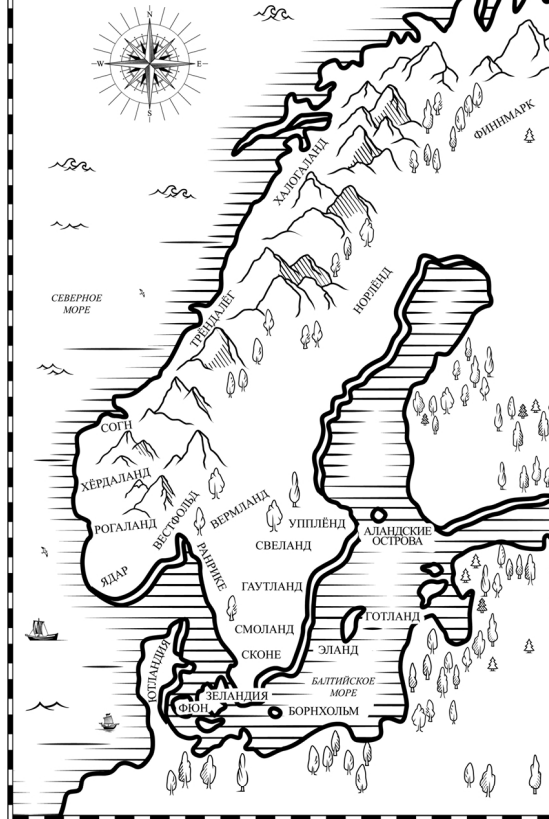
В любом случае в данной книге не ищутся и не предлагаются некие сенсации или открытия. Хотя обычно бывает, что реальность — гораздо интереснее выдумок.

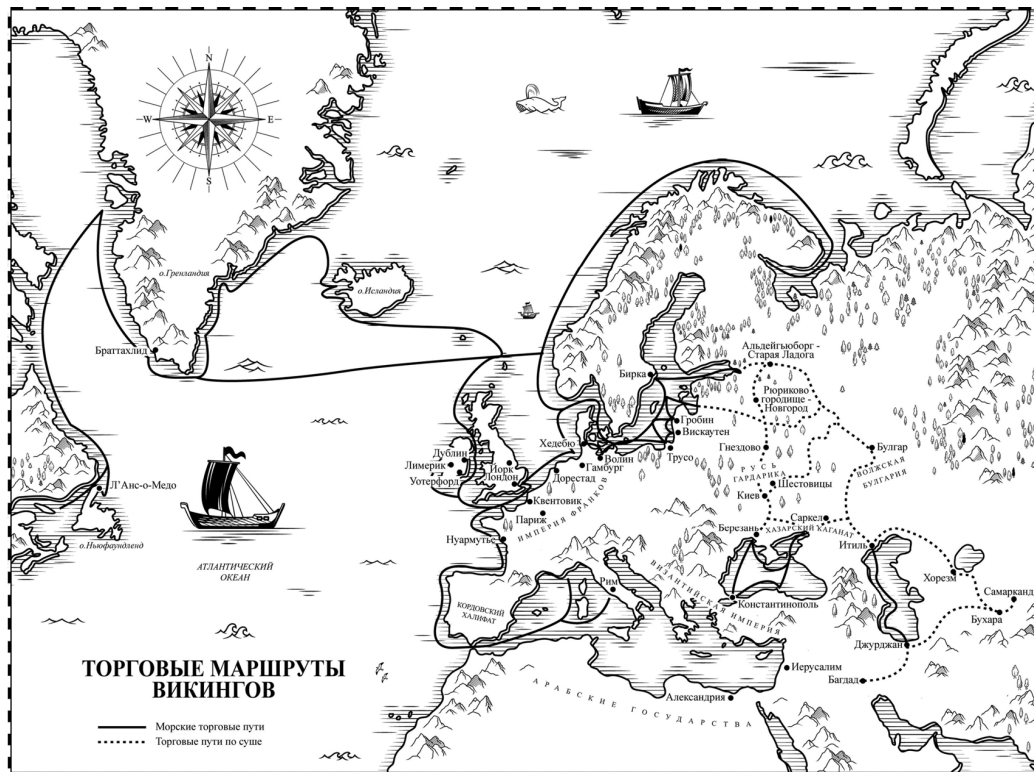
Далее — судить читателю.





СКАНДИНАВИЯ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ





- [1](#) Свтух В., Трощинський П., Галушко К., Чернова К. Етнонаціональна структура українського суспільства. Довідник. — Киев: Наукова думка, 2003; Галушко К. Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал Украину. — Киев: Темпора, 2010, 2012; Галушко К. Україна на карті Європи. — Харьков: КСД, 2013; Галушко К. та ін. Народження країни. Назва, територія, кордони і символіка України. — Харьков: КСД, 2015.
- [2](#) Галушко К. Британія у стародавню та середньовічну добу. Навчальний посібник. — Киев: Либідь, 2002; Галушко К. Давня Шотландія. Навчальний посібник. — Киев: КНЛУ, 2002; Галушко К. Кельтская Британия: племена, государства, династии с древности до конца XV века. Учебное пособие. — Киев: Атика, 2003.
- [3](#) Галушко К. Российская империя. — Харьков: КСД, 2018.

Скандинавия и германский мир Северной Европы

Норманны, викинги, варяги — эти названия для современной публики ассоциируются с целой эпохой истории Европы, да и не только Европы. Именно они представляют собой самый известный сюжет истории Скандинавии. Куда же уходят истоки этой экспансии? Каково происхождение этих «людей севера»?

Скандинавские страны — Швеция, Дания и Норвегия — носят эти имена уже тысячу с лишним лет и имеют свою, еще более долгую, историю. История эта далеко не всегда отражена в письменных памятниках, но каждый ее этап внес определенный вклад в формирование северных народов и королевств, знакомых нам по эпохе викингов.

Туле и остров Скандза. Первые скандинавы и их связи с континентальной Европой

Двенадцать тысячелетий назад, в ранний послеледниковый период, люди расселились в пригодных для жизни областях Скандинавии: они занимались охотой и собирательством, ловили рыбу. Им же, как выяснилось, принадлежат артефакты, обнаруженные на юго-западном и западном норвежских побережьях (от Бергена до Тронхейма). Находки относятся к культуре Фосна, и ее носители, вероятно, пришли в эти земли с юга. Севернее, на берегах Северного Ледовитого океана, обнаружены следы людей культуры Комса, родина которых неизвестна. Когда речь идет о столь отдаленных временах, нет смысла говорить о национальностях или народах. Но эти охотники, рыбаки и собиратели с юга, которые знали (или с течением веков узнали) лук и стрелы, нож, скребок, гарпун и копье, научились делать обтянутые кожей лодки, у которых, вероятно, появились первые домашние животные — огромные волкоподобные собаки — и которые хоронили умерших в неглубоких могилах поблизости от своих жилищ, — именно они были дальними предками «скандинавов», и их образ

жизни, вполне соответствующий природным условиям, был характерен для северян еще многие и многие тысячелетия.

Да, эти странники из северных пустошей, оставившие нам свои высеченные в камне изображения, поневоле внушают трепет. Но одна из самых поразительных их черт — абсолютная непохожесть их на викингов. Мы не будем касаться вопроса о том, каким образом перемены в климате, природной среде и общественной практике, дополнявшиеся внешними культурными влияниями, давали толчок к развитию скандинавских народов. Ровно так же нам нет необходимости перебирать поколение за поколением охотников и рыбаков, создателей кремневых орудий, лесорубов, скотоводов и земледельцев, строителей дольменов⁴, мастеров, торговцев и переселенцев, чьи жизни покрывают десять тысячелетий предыстории Севера — вплоть до 1500 года до н. э.

В начале бронзового века, как свидетельствуют палеоантропологические исследования, люди дальних северных областей, обитавшие в районе Варангер-фьорда, принадлежали к тому же «северному» типу, что и жители Осло-фьорда на юге. Для Дании и южных частей Скандинавского полуострова то был период относительного благоденствия. Социальные преобразования, изменения верований, расцвет ремесел, характерные для этого времени, интересны не только сами по себе, но и как своего рода предвестье будущего. За олово, медь и золото, доставлявшиеся с дальнего юга, Дания расплачивалась ютландским янтарем, ценившимся очень высоко. Местные кузнецы и ремесленники вполне успешно соперничали со своими южными учителями в обработке бронзы, а порой и превосходили их. В археологии эпоха бронзы представлена щедро и во всей полноте: оружие и украшения, предметы культа, такие как бронзовая шестиколесная колесница из Труннхольма: в повозку впряжен конь, а на ней помещен бронзовый золоченый диск, символическое изображение солнечного бога, свершающего свой путь по северным небесам.

Своеобразным дополнением к ним служат рисунки-петроглифы, встречающиеся в Скандинавии практически повсюду южнее воображаемой линии, соединяющей Тронхейм и шведский Уппланд. На скальных выходах Бохуслена и каменных стенах погребальной камеры в Чивике мы находим те же артефакты, но уже в деле. Мы

видим людей с мечами и топорами, копьями и луками; гребцов на кораблях с похожими на клюв носом и кормой (и всегда без парусов); многочисленные изображения солнца — на корабле, в руках у человека или в повозке; колесницы и опять людей — сражающихся, танцующих, кувыркающихся, исполняющих религиозные обряды. И почти у всех мужчин — огромный стоящий фаллос. Иногда попадаются изображения богов и жрецов, реже — женщин, зато в изобилии встречаются лошади, быки, собаки, змеи, олени, птицы и рыбы. Словом, перед нами настоящая картинная галерея давно ушедшей эпохи.

Наконец, о скандинавском бронзовом веке можно судить по захоронениям. Курганы насыпались или складывались из камней над погребальной камерой; погребальный инвентарь включал в себя не только оружие и украшения, но также сундуки, посуду, кубки, чаши и сиденья, а кроме того, одежды и ткани, чудом сохранившиеся до наших дней. Среди находок — шерстяные плащи, обувь из ткани и кожи, конические войлочные шляпы, рубашки и жакеты, тканые юбки с бахромой, и что поразительнее всего — уцелевшие благодаря танину датских «дубовых колод» плоть, кожа и волосы владельцев всех этих вещей — мужчин и женщин, их тела и лица.

Концом бронзового века в Скандинавии считается 500 год до н. э.: примерно в это время происходит постепенный переход к использованию железа. В переходный период меняется способ захоронений. На Готланде и Борнхольме, наряду с сожжениями, встречаются погребения иного типа. Над ними выстраивались ряды камней, имитировавшие контуры корабля, часто — с более высокими камнями на концах, символизирующими нос и корму («корабельные оградки»). Вероятно, считалось, что мертвый отправляется в некое путешествие, или, по крайней мере, что ему нужен корабль. Оградки отсылают нас к прошлому, к петроглифам бронзового века и тому символическому значению, которое приписывалось кораблю в религиях средиземноморских народов. Но одновременно он служит и неким «напоминанием о будущем» — о захоронениях викингов в Линнхольм-Хойе, ладьевидных постройках Треллеборга, Аггерсборга и Фюрката в Дании, викингских «корабельных погребениях» Норвегии, шведских и готландских рунических камнях

и наконец — о выпуклых стенах первой христианской церкви в Гренландии, в норманнском поселении Братталид в Эйрикс-фьорде.

В первые столетия железного века Скандинавия переживала упадок. Археология этого периода значительно беднее: золота мало, а серебра пока нет, погребальный инвентарь встречается реже и куда более скуден, votивные (жертвенные) клады не представлены вовсе. Если граница распространения бронзы проходила примерно на 68° северной широты, железо достигает лишь 60° — примерно широты нынешних Осло и Уппсалы. Уровень мастерства ремесленников катастрофически падает.

Чем же был вызван регресс? В силу каких причин нарушились связи северных стран с югом? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно вспомнить, что в историографии данный период европейской истории определяется как «кельтский» железный век. Именно в то время кельтские народы, жившие в верховьях Рейна, бассейне Дуная и на территории нынешней восточной Франции, вторглись в Испанию, Италию, Венгрию, на Балканы и даже в Малую Азию, а на западе достигли берегов Атлантического океана и заселили Британские острова.

Кельтские военные вожди, которым требовались колесницы и конская упряжь, оружие и украшения, из чисто практических соображений покровительствовали мастерам и ремесленникам, изготавливавшим для них прекрасные вещи. При этом главной фигурой в кельтском обществе, безусловно, был и оставался воин, однако благополучие его целиком зависело от тружеников-землепашцев. Кельтские племена, с их слабой и неустойчивой политической организацией, не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы для урбанизированного Средиземноморья. Однако нестабильность, которую они вносили в жизнь стран континентальной Европы, сказалась неблагоприятно на судьбах Севера. Торговые и культурные связи между Скандинавией и этрусской и греческой цивилизациями оборвались, и на какое-то время северные страны оказались в изоляции.

В дальнейшем подобная ситуация повторялась не раз: географическое положение скандинавских стран, располагавшихся где-то на границе (а иногда и за пределами) ойкумены (обитаемой земли), обрекало их на роль аутсайдеров. Помимо всего прочего,

Ютландия перестала быть главным поставщиком янтаря, а прусский янтарь не приносил дохода Зеландии и островам. «Янтарный путь» сместился на юго-восточное побережье Балтики.

Немаловажную роль сыграли также климатические изменения. На протяжении всего бронзового века умеренно теплый и относительно сухой климат Скандинавии благоприятствовал ее экономическому и культурному развитию. Он позволял существовать вполне безбедно и людям, и тем диким зверям и птицам, на которых они охотились, добывая себе пищу. Границы возделанных земель и пастбищ расширялись, и одновременно развивалась культура земледелия. Быстрое и резкое ухудшение климата в начале железного века сказалось сильнее всего в северных районах; все источники единодушно указывают, что условия для жизни там были намного суровее, чем в Дании и южных частях Норвегии и Швеции. Главную проблему составляла, вероятно, зимовка скота, но холода и постоянные дожди мешали, в общем, любой деятельности. Если таинственная земля Туле, упоминаемая греческим географом Пифеем Массалийским, реально представляет собой некую часть западного побережья Норвегии, его описание, вероятно, относится именно к этим трудным для северян временам. Тяжелый плуг, грубый хлеб, смертоносное оружие и длинные штаны, отмеченные как отличительные признаки скандинавов в европейских исторических и географических сочинениях, появились под давлением суровых внешних обстоятельств.

Пифей, исследовавший берега Европы, в 330—300 годах до н. э. отправился в путешествие на северо-запад, которое затем описал в своем трактате «Об океане». Этот труд не сохранился, и все наши сведения по данному вопросу весьма сомнительны. После шестидневного плавания на север от Британии, сообщает Пифей (точнее, невежественные и пристрастные географы более поздних времен, пересказывающие его сочинение), он добрался до земли, которая лежит, судя по всему, у самого Северного Полярного круга. Ее населяют варвары, живущие земледелием. У них мало скота, зато есть просо и травы, корни и плоды. Из зерна и меда они готовят некий возбуждающий напиток, причем зерно молотят в помещениях, поскольку дожди в тех местах идут так часто, что молотить под открытым небом нет возможности.

Впрочем, Пифей, повествуя о своем северном путешествии, описывает и другие, более приветливые земли. Он упоминает о янтарном острове Абалус (Гельголанд?), обитатели которого продают дары моря народу, называемому тевтонами. Пифей рассказывает также об ингвеонах, а кроме того, о готах, или гутонах. Тевтоны, судя по всему, жили на северо-западе Ютландии. Восточнее предположительно обитали кимвры (кельтско-германский или германский этнос).

Упоминания об этих двух народах подводят нас ко второму этапу во взаимоотношениях скандинавских народов раннего железного века и развитых культур Средиземноморья. В течение нескольких десятилетий, предшествовавших 100 году до н. э., тевтоны и кимвры постоянно воевали с римскими армиями в Галлии, Испании и северной Италии и нередко выходили из этих сражений победителями. Кровавый и разрушительный обряд, которым кимвры отмечали свою победу над римлянами в битве при Араузионе (совр. Оранж) в 105 году до н. э., описан Орозием в его «Всемирной истории»:

«Враги (кимвры), захватив оба лагеря и огромную добычу, в ходе какого-то неизвестного и невиданного священнодействия уничтожили все, чем овладели. Одежды были порваны и выброшены, золото и серебро сброшено в реку, воинские панцири изрублены, конские фалеры искорежены, сами кони низвергнуты в пучину вод, а люди повешены на деревьях — в результате ни победитель не насладился ничем из захваченного, ни побежденный не увидел никакого милосердия».

В I веке до н. э. победный ритуал кимвров описал Страбон. Их жрицы, старые женщины, одетые в белое, надевали на пленников венки, а потом вели их к огромному бронзовому котлу. Там одна из них, стоя на лестнице или возвышении с мечом в руке, по очереди перерезала пленникам горло, предварительно заставив жертву нагнуться над краем котла, так чтобы жертвенная кровь, использовавшаяся, кроме того, для проорицаний, стекала в него. Похожая сцена изображена в числе прочих на серебряной чаше из Гундерструпа, найденной на родине кимвров, в Химмерланде, в Ютландии, и сама чаша (прекрасная работа кельтских мастеров II—

I веков до н. э., привезенная, вероятно, из Франции или юго-восточных земель), возможно, использовалась для тех же ужасных целей.

В сочинениях классических авторов содержится немало указаний на то, что вторжения воинственных скандинавов всерьез напугали европейцев. С какого-то момента в них участвовали не только тевтоны и кимвры. И подобная ситуация повторялась затем не раз: неурядицы в северных землях грозили неисчислимыми бедами тем, кто жил далеко к югу. Отчасти именно экономические трудности (хотя и не только они) вынудили лангобардов покинуть Сконе и отправиться в странствия, приведшие их к концу VI века через низовья Эльбы и Дунай в Италию. Бургунды, жившие, по весьма недостоверным свидетельствам, в Борнхольме, в надежде на лучшее будущее переселились в северо-восточные области Германии, в то время как ругии из Ругаланна (Ругаланда), в юго-западной Норвегии (идентифицировать их сколько-нибудь определенно не представляется возможным), обрели более радужное настоящее на южном побережье Балтийского моря. Готы, обитавшие на территории современных шведских Эстер- и Вестеръётланда (хотя предположение, что их прародиной был остров Готланд, представляется весьма спорным), обрели новую родину и снискали известность в северной Германии. Могущество кельтов шло на убыль; народы, которые Посидоний Апамейский именует германцами, продвигались на юг в поисках земли, богатства и военной добычи, а также возможностей торговать, грабить и совершать подвиги. Скандинавия, большой остров Скандза, которую Иордан позднее назовет «мастерской племен и утробой народов», впервые заявила о себе в таком качестве.

Следующая фаза железного века в Скандинавии, римская, примерно соответствует первым четырем векам христианства. Южное влияние и на сей раз оказалось плодотворным: народы Севера поднялись из материальной и духовной нищеты. Кельты отступили под натиском римских армий. Новые властители Средиземноморья отвоевывали себе территории, а германские племена продвигались все дальше на юг — и эти две силы неизбежно должны были войти в соприкосновение. Встречи на Дунае и Рейне порой происходили мирно, порой приводили к военным столкновениям. Культурные контакты были особенно тесными в королевстве маркоманов в Богемии, имевшем обширные торговые связи с севером.

По Эльбе и Висле пролегли важные торговые пути — в Ютландию, к балтийским островам и в Швецию. Чуть в стороне проходил восточный путь, идущий с Черного моря, и, возможно, другие, в том числе пересекавшие территорию нынешней Украины, важность которых стала понятна после 200 года, когда готы сделались основными поставщиками материальных и культурных ценностей на север. Существовал также западный морской путь из Галлии через устье Рейна и Фризские острова в Гольштейн (южная Ютландия) и оттуда в Скандинавию. Таким образом, Зеландия и соседние с ней острова оказывались в исключительно выгодном положении, и нет ничего удивительного, что именно там и на острове Фюн находят в погребениях превосходнейшую серебряную и бронзовую посуду (достаточно вспомнить богато украшенный ковш из захоронения в Хобю на Лолланне), кубки цветного стекла и чаши с цветными изображениями животных (прекрасные образцы обнаружены в Нордрупе, Варпелеве и Химлингёе).

Погребальные обряды в очередной раз изменились. Кремация обнаруживается практически везде, но ингумация по римскому образцу также широко распространена. Наряду с мужскими, встречаются и роскошные женские погребения: умерших, хоронили с вином и пищей, чашами и посудой, кубками и кувшинами, словно приготовленными для богатого пира. Серебро и золото рекой текли на север, римские монеты в большом количестве попадали на Готланд, Сконе, Борнхольм и датские острова; и каждая вещь — будь то меч или застёжка, филигрань, шпилька для волос или горшок — разжигала страсть честолюбивого соперничества в сердцах местных мастеров. На юг в обмен на все это уходили кожи и меха, янтарь, моржовый клык и рабы. А кроме того, война приносила не меньшую прибыль, чем торговля.

Постепенно, хотя и очень медленно, географы и этнографы с юга открывали для себя северные земли. На заре христианской эры император Август снарядил флот, который отправился за Рейн к северному побережью Германии, а оттуда вокруг Ютландии до пролива Каттегат, в результате чего кимвры, харуды, семноны и другие германские народы этих земель «прислали вестников, ища дружбы со мною (Августом) и римским народом». В правление Нерона, около 60 года н. э., другая флотилия вышла в Балтийское море; а чуть позже

Плиний Старший⁵ включил в свою «Естественную историю» довольно путаное описание Коданского залива за Ютландией, со множеством островов, самый большой из которых — *Skandinavia*.

У нас есть все основания идентифицировать этот остров Плиния с южной оконечностью Скандинавского полуострова. В конце I века н. э. Тацит⁶ располагал вполне конкретными и достоверными сведениями о наиболее известном из скандинавских народов — свионах. Свионы «помимо воинов и оружия... сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа». «Им свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, безо всяких ограничений повелевает царь». Речь идет, очевидно, о свях (*Sviar* или *Svear*), шведах Уппланда, у которых уже существовали к тому времени внутриплеменные связи, более тесные и прочные, чем у их соседей. Рядом с ними обитают ситоны, во всех отношениях похожие на свионов.

В следующие пятьдесят лет имевшиеся сведения о Севере систематизировал и пополнил Птолемей⁷. К востоку от Ютландии, сообщает он, располагаются четыре острова, называемые Скандия. Три из них (вероятно, какие-то из датских островов) невелики; но тот, что лежит дальше всего к востоку, напротив устья Вислы — собственно Скандия — большой. Птолемей, должно быть, имеет в виду Скандинавский полуостров, и среди племен, населяющих его, он называет гоутай, в коих, вероятно, нам следует признать гаутов, и хайдейной, которых у историков есть соблазн отождествить с хейднирами из Хейдмёрка в Норвегии. Обширные области на севере пока скрыты во тьме неведения, но облик некоторых важных регионов уже начинает вырисовываться яснее. А за очертаниями германских племен маячат первобытно-дикивинные финны и саамы, их ближайшие северные соседи.

Великое переселение народов

Далее, сожалению, наши источники умалкают почти на четыре столетия, и лишь сочинения конца V — начала VI века дают некое представление о том, что являли собой в ту далекую эпоху скандинавские земли. В VI веке Кассиодор, приближенный и советник остготского короля в Италии Теодориха (493—526), составил солидный исторический труд «Происхождение и деяния готов». А поскольку готы помнили о своем скандинавском происхождении, Кассиодор описывает Север доброжелательно, хотя временами удивленно. Его книга не сохранилась, но ее сокращенное изложение содержится в «Гетике» Иордана⁸, созданной тридцатью годами позже.

Снова мы читаем о большом острове Скандза, который населяет множество разных народов. Не все их можно идентифицировать, но прогресс в знании очевиден. На дальнем Севере живут адогиты: в их землях летом в течение сорока дней не бывает ночи, а зимой царит непроглядная тьма. Там же на Севере обитают скререфенны, которые не растят зерно, а едят мясо диких животных и птичьи яйца. Нам рассказывают о суэханс, или шведах, с их чудесными лошадьми и прославленными темными мехами, которые они присылают на римские рынки, и о прочих племенах, память о которых сохранилась в названиях шведских провинций: халлин (Халланд), лиотида (средневековый Лютгуд, современный Луггуд, возле Хельсингборга), бергио (возможно, Бьяре) и, конечно же, гаути-готы (Вестеръётланд?) и шведы, на сей раз именуемые суетидами. Называются также народы, живущие в Раумарики и Ранрике (нынешний Бохуслен) и в Норвегии: граннии из Гренланда, аугандзы из Агдира, арохи из Хёрдаланда, ругии из Ругаланда, над которыми «был немного лет тому назад королем Родвульф. Он, презрев свое королевство, укрылся под защиту Теодориха, короля готов, и нашел то, что искал». Эти племена, говорит Иордан, сражаются «со звериной лютостью» и превосходят германцев «как телом, так и духом». Данное Иорданом описание народов Швеции и Норвегии более содержательно, чем прежние беглые заметки, и согласуется с данными современной археологии. Но мы обязаны ему не только этим. Тацит оставил нам важнейшее свидетельство касательно существования института королевской

власти у шведов-свионов около 100 года н. э. Сообщаемые Иорданом сведения о том, что даны, или даны, жившие в VI веке в Дании, вытеснили оттуда эрулов (герулов), прежних ее обитателей или завоевателей, не менее значимы.

Шведы, сообщает Иордан, славятся как самый высокорослый из северных народов. Однако даны, принадлежащие к той же расе, что и шведы, могут претендовать здесь на первенство. Норвежские племена Хёрдаланда и Ругаланда также отличаются высоким ростом.

Имеется еще Прокопий⁹, византийский историк, который сопровождал полководца Велизария в походах против вандалов и остготов и чуть позже 550 года увековечил военные кампании императора Юстиниана в своей «Истории войн». Рассуждая о той судьбе, которая ждала эрулов после сокрушительного поражения от лангобардов около 505 года, Прокопий вспоминает попутно и об их северной родине, куда некоторым из них суждено было вернуться. Родиной эрулов он называет землю данов. На острове Туле — очевидно, Скандинавском полуострове — эрулы обосновались по возвращении: они поселились там по соседству с гоутай (вероятно, гаутами), живущими к югу от Уппланда. Большая часть Туле — гола и необитаема, но на оставшейся земле нашлось место для тринадцати племен — каждое со своим королем.

Прокопий оставил нам замечательное описание полуночного солнца, но поразительнее всего его сведения о саамах, чей образ жизни мало чем отличается от звериного. Они — охотники, не делают вина и не выращивают хлеб. Они не носят ни тканых одежд, ни обуви, а прикрывают тела шкурами убитых на охоте животных, мясо которых идет им в пищу, предварительно скрепив их жилами. Даже детей они выкармливают иначе, чем это делается у всех остальных народов. Их дети не знают вкуса молока и не касаются материнской груди, их питают костным мозгом, который добывают из костей все тех же животных. Произведя на свет ребенка, женщина заворачивает его в шкуру и подвешивает к дереву, после чего кладет в рот новорожденному костный мозг и уходит со своим мужем охотиться. Остальные обитатели Туле, согласно Прокопию, не слишком отличаются от обычных людей; хотя он считает нужным отметить, что они поклоняются множеству богов и демонов и совершают в угоду им жестокие обряды с человеческими жертвами.

Обратившись к сочинениям Иордана и Прокопия, мы ушли на целое столетие от римского железного века и вступили в германский железный век, непосредственно предшествующий эпохе викингов. Границей и одновременно связующим звеном между этими историческими периодами, охватывающими, соответственно, первые и вторые четыре столетия христианской эры, служит эпоха Великого переселения народов. Здесь уместно вспомнить о переселении кимбров и тевтонов незадолго до начала I века н. э. и последующих передвижениях лангобардов, готов и бургундов, хотя миграции, имевшие место в рассматриваемый нами сейчас период, толчком к которым послужили вторжение гуннов на юг во второй половине IV века, и ослабление римского влияния сначала в провинциях, а в конце концов и в Италии, происходили с куда бо́льшим размахом. С них, можно сказать, начинается история Средневековья, но детали их не представляют для нас особого интереса. В одних случаях — как это было с вестготами, остготами и бургундами — заключались фиктивные союзы, позволявшие чужеземцам утвердиться на римской территории, в других (лангобарды, эрулы, алеманны и франки) имела место неприкрытая агрессия, но в действительности все эти народы выступали как завоеватели, а не как союзники империи. Эрулы, остготы и лангобарды заняли Италию, франки, вестготы, алеманны, бавары и бургунды разделили Галлию. Вестготы из Галлии повернули на юг и захватили Испанию, а вандалы двинулись через Андалусию в Северную Африку. В середине V века англы и саксы, с небольшой примесью ютов и фризов, покинули свои земли в «датской» Скандинавии, в результате чего на месте римской Британии возникла германская Англия. Проследить эти миграции или хотя бы те из них, в которых участвовали скандинавские народы, — задача крайне сложная и трудоемкая, к тому же не имеющая непосредственного отношения к теме данной книги. Однако даже беглого рассмотрения трех основных аспектов проблемы достаточно, чтобы увидеть, что викингская экспансия, начавшаяся почти четыре столетия спустя, по сути, не представляла собой ничего нового.

Начнем с эрулов, или, как называют их древние авторы, герулов. В некие давние времена они, судя по всему, жили на датских островах или на юге Ютландии, а возможно, и там, и там. Не исключено, что они обитали в Сконе, в Швеции. О них шла слава как о воинственном

племени, промышлявшем сбором дани и пиратством. В III веке их деяния вызвали крайнее недовольство обитателей Причерноморья, в том числе территории будущей Украины, куда эрулы (хотя и не все) пришли вслед за готами. Упомянуется также, что в 289 году н. э. они вторглись в Галлию вместе с хабионами, о которых практически ничего не известно. В IV веке часть эрулов приняла владычество Германариха, прославленного короля остготов, а вскоре после этого их разбили пришедшие в 376 году гунны.

Говорится еще, что в середине V века они совершили опустошительный набег на испанское побережье, но были ли это кочевые эрулы, или эрулы, приплывшие из своих родных северных земель, неизвестно. В последующие столетия повсюду, где только затевались войны или грабительские набеги, немедленно появлялись голубоглазые эрулы-наемники в железных нащечниках. После того как эрулов один за другим разбили Германарих (ок. 350 года), Теодорих (ок. 490 года) и евнух Нарсес (556 год), они заслужили репутацию самых доблестных и отчаянных неудачников в ранней истории германских племен.

Прокопий крайне суров к эрулам, которые жили на юге. Он называет их нечестивыми, жадными, неистовыми, бесстыжими, грязными, изуверскими, подлыми и самыми распутными из людей. Среди прочего они имели обыкновение убивать заболевших стариков. Иордан сообщает, что эрулов прогнали из Дании даны, и если толковать туманную шестую строку «Беовульфа» в том смысле, что Скильд Скевинг, эпонимический¹⁰ родоначальник датской династии Скильдингов (Скъёльдунгов), «устрашил эрулов», можно увидеть в ней некое подтверждение того, что эрулов считали доблестными воинами не только в чужих, но и в их собственных северных землях. Никто не стал бы прославлять Скильда за то, что он устрашил какой-нибудь слабый и мирный народ, — нет, перед его противниками трепетал весь Север.

Когда эрулов изгнали, мы не можем сказать, предположительно, ближе к концу V века. Куда они после этого отправились, неизвестно — вероятно, присоединились к своим соплеменникам, обитавшим где-то в районе современной Венгрии. Однако, опираясь на данные археологических и антропологических исследований, с той же степенью достоверности (или недостоверности) можно предположить,

что даны вытеснили эрулов с их земель где-то около 200 года или чуть позже, что позволяет объяснить их передвижения по Южной Европе в III веке. Так или иначе, после более или менее длительного отсутствия эрулы, потерпев поражение от лангобардов около 505 года, вернулись в Скандинавию и обосновались на сей раз по соседству с гаутами в южной Швеции. Возможно, их заслуга в истории Севера состоит вовсе не в этих бестолковых и неудачных переселениях туда-сюда, а в том, что они каким-то образом причастны к созданию рунического алфавита и рунического письма. В скандинавских рунических надписях постоянно встречается слово *erilaz* (*eirilaz*), что, по всей вероятности, означает «эрульский»; похоже, эрулы настолько прославились как знатоки рун, что их имя стало нарицательным.

Примерно в то же время, когда эрулы, согласно Иордану, вернулись, чтобы поселиться рядом с гоутай, или гаутами, сами гауты (или народ с похожим именем, который каким-то образом с ними перепутали) внесли свою лепту в обширный перечень южных походов, предпринятых скандинавскими племенами. На этот счет у нас есть свидетельства источников, и даже нескольких. Имя гаутского короля дошло до нас в древнеанглийской форме — Хигелак.

В древнеанглийской эпической поэме «Беовульф», записанной около 700 года, говорится, что Хигелак был королем гаутов. Однажды он собрался в суровый военный поход против франков и повел свои корабли во Фризию, где погиб в битве.

*«...сгибнул Хигелак,
воисководитель,
гаутский конунг:
в пылу сраженья
на поле фризском
потомок Хределя
пал наземь,
мечами иссеченный...»*

Король пал в сражении с войском хетваров из низовий Рейна. Хигелак отправился в гибельный поход, в котором, как говорится в «Беовульфе», пали все его спутники, кроме одного, около 521 года. Тому можно найти подтверждение в двух франкских источниках — в «Истории франков» епископа Григория Турского (умер в 594 году) и анонимной «Книге истории франков» VIII века, а также в английской

«Книге монстров», трактате VIII века, посвященном различным диковинам.

Говорится, что некий король, звавшийся Х(л)охлак-Хьюглаук-Хигелак, отправился в пиратский морской поход в землю атуариев, фризского племени, жившего на территории империи Меровингов¹¹ в низовьях Рейна и Зейдерзе. Люди Хьюглаука разорили некое поселение и унесли добычу на свои корабли. Сам король остался на берегу, и его настиг и убил Теодеберт, сын франкского властителя Теодориха. Теодеберт также захватил корабли Хьюглаука и вернул награбленное добро владельцам. Король Хьюглаук, правивший гаутами, был таким гигантом, что ни одна лошадь не могла его нести; скелет Хьюглаука долгое время хранился на острове в устье Рейна, и его показывали любопытным как диковину. В том, что две франкские хроники называют Х(л)охлака королем данов, а не гаутов, нет ничего удивительного. Едва ли Григорий Турский знал о народах, населявших в VI веке Данию и Швецию, и их истории много больше, чем знаем мы, и, естественно, он мог спутать данов и гаутов, живших по соседству. Данов франки знали и использовали это название для разных народов «оттуда с Севера», как это случалось не раз и в последующие века.

Переселение англосаксов в Британию и возникновение там германских королевств — одно из самых значительных событий эпохи Великого переселения народов. Однако и здесь, как и в истории рассматриваемого нами периода в целом, многое остается неясным. Откуда пришли переселенцы, к каким конкретно племенам они принадлежали, что толкало их к походам и завоеваниям, куда именно они приплывали и каковы были дальнейшие их передвижения, сколь долго и твердо сопротивлялось местное население, какую роль во всем этом играл вождь саксов Хенгист, насколько исторична Британия короля Артура — на все эти вопросы у нас нет четких ответов. К счастью, в нашем кратком изложении предыстории викингов обсуждать эти проблемы нет необходимости¹².

Ибо, даже если не уточнять, какое отношение юты имели к Ютландии, и не пытаться определить, где конкретно располагались упомянутый у Беды¹³ «Ангулус» и земля, «известная ныне как Старая Саксония», в общих чертах картина ясна. Переселявшиеся (в первую

очередь из-за нехватки земель) народы пришли в основном с датских островов; из южной Ютландии (то есть из Шлезвига), где, согласно Беде, вовсе не осталось населения (этот массовый уход, если он имел место, во многом позволяет объяснить продвижение данов на запад — с островов в Ютландию); с перешейка Кимврийского полуострова (то есть из Гольштейна); из верховий Эльбы, с берегов Везера и Эмса на западе и из прибрежных областей Зейдерзе и низовий Рейна на юге. Самое раннее свидетельство о новых обитателях Британии оставил Прокопий, оно относится к середине VI века. Византийский историк якобы говорил с неким англосаксом (*Angiloi*), входившим в состав посольства, которое отправил к императору Юстиниану в Константинополь франкский король Теодеберт. О населении Британии у Прокопия были довольно странные представления, ибо среди прочих он называет души умерших, которые уходят из Галлии на острова через пролив. Из более осязаемых жителей он упоминает англосаксов, фризов и бриттов; каждый из этих народов имеет своего короля, и все они настолько плодовиты, что ежегодно отправляют множество мужчин, женщин и детей за море, в землю франков.

У нас есть немало доказательств тому, что в первой половине VI века произошло массовое переселение бриттов в Арморику (Бретань, западную Францию); возможно, это было бегство от англосаксов. С другой стороны, волна германских переселенцев, хлынувшая в Британию, в какой-то момент откатилась назад на континент, натолкнувшись на некое временное препятствие, — об этом упоминается в «*Translatio Sancti Alexandri*», написанном в Фульдском аббатстве, а из более ранних источников — у Гильды¹⁴. В упомянутых свидетельствах наибольший интерес для нас представляет то, что, как сообщает монах из Фульда, переселенцы VI века вернулись в устье Эльбы, на свою прежнюю родину.

Король Альфред Великий¹⁵, как и Беда, считал англосаксов скандинавским народом, а их родиной — Шлезвиг и окрестные острова, о которых ему рассказывал норвежец Оттар. В древнеанглийской поэме «Видсид» упоминается Онгель — земля, где правил Оффа, к северу от реки Эйдер (Фифельдор).

Саксы, независимо от того, считать ли их одним племенем или предположить, что это имя было собирательным для нескольких

родственных племен, населявших территорию северной Германии (либо даже для всех племен, промышлявших пиратством на этой территории и в близлежащих землях), определенно не принадлежали к скандинавским народам. Тем не менее на протяжении почти семи сотен лет они постоянно присутствуют в истории Скандинавии. Этот деятельный, закаленный в сражениях и привычный к трудностям народ за три века, начиная со 150 года н. э., расселился по весьма обширной территории — умение саксов расчищать леса и осушать болота, равно как и их воинское искусство, немало способствовали расширению их владений.

Для нас особенно интересен тот факт, что в 400—450 годах саксы пришли во Фризию (острова вдоль побережья современных Нидерландов). «Бог создал море, но берег создали фризы», — гласит древнее речение. Терпы — курганы, защищавшие берега Фризии от натиска моря, возводились в течение многих веков на всем побережье от устья Везера до Зейдерзе. Сначала небольшие, со временем они достигли таких размеров, что на них могло разместиться средних размеров поселение. Исходя из того, что саксы поселились во Фризии в начале V века, легко понять, почему Прокопий говорит о *Frissones*, живущих в Британии, в то время как другие ранние авторы, видимо, причисляют выходцев из Фризии к *Saxones*. Позднее все названия отдельных племен, народностей и языков потерялись, и осталось одно общее имя *Angli*, *Angelcynn* или *Englisc*, которое затем превратилось в *English*. Впрочем, в валлийском и гэльском до наших дней сохранились древние названия *Saesneg* и *Sassenach*, не вполне свободные от отрицательных коннотаций, связанных с пиратством и варварством, что и естественно, поскольку — не скажу об ирландских и шотландских гэлах, но для валлийцев англосаксы уж точно были варварами.

⁴ Дольмены — установленные вертикально каменные глыбы, обозначающие священные места, жертвенники или погребения.

⁵ Плиний Старший (23—79) — древнеримский писатель-эрудит. Наиболее известен как автор «Естественной истории» — крупнейшего энциклопедического сочинения античности; другие его сочинения не дошли до наших дней.

⁶ Публий Корнелий Тацит (56—120) — древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор трех небольших сочинений и двух больших исторических трудов.

⁷ Клавдий Птоlemeй (100—?) — позднеэллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ. Жил и работал в Александрии Египетской, где проводил астрономические наблюдения.

⁸ Иордан (? — после 551) — готский историк VI века. Писал в Византии.

⁹ Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — около 562 или 565 гг.) — византийский писатель и историк.

¹⁰ Эпоним — личность, от которой производят определенное название.

¹¹ Меровинги — первая в истории Франции династия франкских королей. Правила с конца V до середины VIII века.

¹² Подробнее см. Галушко К. Кельтская Британия: племена, государства, династии с древности до конца XV века. — Киев: Атика, 2003.

[13](#) Бе́да Достопочтенный (между 672/673—735) — ученый монах, богослов, «отец английской истории», автор «Церковной истории народа англосаксов».

[14](#) Гильда Премудрый (иногда Гильдас, 500—570) — древнейший историк бриттов, автор повествования «О гибели Британии».

[15](#) Альфред Великий (около 849—899/901) — король Уэссекса в 871—899/901 годах. Первым из англосаксонских правителей Британии стал именовать себя королем Англии. Поддерживал ученость и летописание.

Легендарные конунги. Возникновение скандинавских государств

Возникновение государства для нас часто представляется как некий целенаправленный процесс, который для каждого народа в какой-то мере запрограммирован. «Государство» предполагает письменность, централизованную власть, сбор налогов и то, что называется «внешняя и внутренняя политика». По идее, государство охватывает один народ, отличающийся от других, и если «его» государство захватывает другое, то это агрессия и империя, а если на него нападает другое, то это борьба за свободу. Но это взгляд, продиктованный написанием национальных историй в XIX веке в пределах современных национальных государств. Норвежцы были запрограммированы на создание Норвегии, шведы — Швеции, а датчане — Дании.

В этом же контексте считалось, что восточные славяне были обречены на «создание единого восточнославянского государства». А теперь вне российского официального стиля интерпретации истории их соседями считается, что наоборот: украинцы и белорусы были обречены на создание Украины и Беларуси, а идея «восточнославянского государства» — очевидное проявление российского империализма. Каждый взгляд имеет свою логику и объяснения, но для эпохи домодерна эти критерии слабо подходят. Это была иная цивилизация и общество.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ